

Джулия Перони

## Рассказать (и оправдать) коммунистическое прошлое: Автобиографическая трилогия Льва Копелева

To Tell (and Justify) the Communist Past: The Autobiographical Trilogy of Lev Kopelev

Lev Kopelev wrote his autobiographical trilogy in a time span from the 60's to the 80's. Its uniqueness lays in the fact that Kopelev, despite his imprisonment, remained loyal to communism and defended Stalin's actions. Kopelev presents himself in these texts, and especially in *Khranit' vechno*, as an heroic figure, a man who has always fought to protect the weaker, even clashing with his superiors. By comparing Kopelev's description of himself and that reported by Solzhenitsyn and Panin, this article attempts to demonstrate how within his autobiographical works Kopelev tries to idealize and humanize himself and to provide a philosophical justification of his communist past, seen as a great lesson that has been useful for his inner development.

Иногда загадочная судьба действует так, что мы сталкиваемся с людьми, которые своим присутствием изменяют всю нашу жизнь, а иногда – даже спокойный и безопасный путь, по которому мы уже стали ходить. Лев Копелев никак не мог предвидеть, что в приятной прогулке с Раисой Орловой – его будущей спутницей жизни – в тех местах, где раньше он был заключен, почерпнет вдохновение для книги, благодаря которой он станет знаменитым и найдет свое место в коллективной памяти до наших дней. Орлова изменила его жизнь, помогая ему воплотить на бумаге свой

горький опыт и сделать из него живое свидетельство<sup>1</sup>:

Мы долго гуляли после посещения юрт, опомниться было трудно. И тогда я попросила Леву подробно, день за днем

---

<sup>1</sup>Копелев выразил свою благодарность жене в надписанном ей экземпляре книги *Хранить вечно*. Он написал, ласково обращаясь к жене: “Доченька! Повторяю – (и никогда не перестану) – эта книга была твоей еще до того, как я записал первую строку. 1976. Лев Копелев” (Копелев, экземпляр *Хранить вечно* Раисы Орловой, личный архив Марии Орловой, Москва). Я держала в руках этот экземпляр в доме Марии Орловой, дочери Раисы, которая показала мне свой личный и богатый архив.

рассказать, как это было, рассказать все десять лет. Этот рассказ был необходим нам обоим. Он продолжался с перерывами, — подолгу ему рассказывать, а мне слушать было почти невозможно, — около трех месяцев. Но я не отступала: “Все, все, что помнишь”. А он тогда помнил едва ли не все. В 1960 году он начал писать книгу *Хранить вечно*. Это был мой главный путь на “тот свет” (Орлова 1983: 187).

Описывая “тот свет”, Копелев понял, что нужно было начать издалека: описать свое детство и корни, опыт Второй мировой войны, дело, из-за которого он стал жертвой, и арест.

Орлова пробудила в нем то, что Дуччио Деметрио определяет как “автобиографическую мысль” (Demetrio 1996: 9), которая представлялась уму Копелева во всей своей силе и срочности и которая нуждалась в конкретном изображении.

Итак, в 1960-м году он начал писать книгу *Хранить вечно*. Наряду с книгами *И сотворил себе кумира* и *Утоли моя печали* она станет частью трилогии, над которой он продолжал работать вплоть до 1980-х

годов. Эти книги можно назвать частями единой автобиографии, если принять за основу определение автобиографии Филиппа Лежена (см. Lejeune 1975). Вслед за критиком мы можем считать произведение автобиографическим, если оно является ретроспективным, написано в прозе и акцент сделан на личность рассказчика. Более того, в текстах Копелева можно найти то, что Лежен определяет как “автобиографический пакт”: полная идентичность между автором, рассказчиком и персонажем. Интересно заметить, что в немецком издании книги *Утоли моя печали* издатель решил добавить слово “Autobiographie” в название книги, чтобы подчеркнуть личное содержание этого текста. Тот же самый подзаголовок можно было бы применить и к другим изданиям.

За исключением книги *И сотворил себе кумира*, трилогию можно также отнести к жанру, который Андреа Гуллотта очень четко и убедительно назвал “литературой советской репрессии” в своей статье *Trauma and Self in the Soviet Context: Remarks on Gulag Writings* (Gullotta 2012). Копелев провел почти год в тюрьме и в разных лагерях и девять лет – в заключении в шарашке.

Практически во всех свидетельствах литературы советской репрессии, не говоря уже о субкатегории 'лагерной мемуаристики', можно отметить острую критику Сталина и его политики, состоящей из репрессий и жестокости. Свидетельства Копелева стоят особняком в панораме этого жанра литературы и поэтому, несомненно, представляются достойными интереса исследователей русской литературы и культуры XX века: даже в труднейшие годы заключения Копелев не переставал слепо верить в режим, всегда оправдывая Сталина, часто сталкиваясь со скептицизмом своих товарищей:

Даже в самые тягостные, мучительные дни в тюрьме, в лагере я ощущал себя частицей той партии, которая меня отвергла, того государства, которое превратило меня в бесправного раба – ээка. И готового снова и снова воевать за них на любом фронте, работать до упаду на полный износ, идти на любые опасности, на смерть (Копелев 2004: 259).

Копелев писал свои воспоминания сначала без какого-

либо четкого плана<sup>2</sup>, не следуя хронологии событий. Причины такого подхода к работе можно найти во внутренней потребности автора: Копелеву прежде всего важно было рас-

---

<sup>2</sup> В 1977 он писал другу Генриху Беллю, что придумал план своей "последней работы жизни": "Jetzt habe ich schon einen festen Plan von dem, was meine eigentliche und letzte Lebensarbeit sein soll, und zwar ein Zyklus aus vier Büchern, der Titel des Ganzen 'Szenen aus der Teufelskomödie' oder 'Aus der unmenschlichen Komödie': Buch – 'Und machte mir einen Goetzen' (1917–1935, bereit in Druck russisch und wird übersetzt von Heddy Pross). 2. Buch – 'Aufbewahren für alle Zeit' (1945–1947). 3. Buch – 'Aus dem Kellergeschoss des Gedächtnisses' (1948–1953). Daran wird jetzt geschrieben. 4. Buch – gemeinsam mit Raja 'Erinnerungen an die unvergangene Zeit' (1954–1977). Das sind unsere großen Pläne. Wenn nur das Leben ausreicht!" ("Сейчас у меня уже точный план того, что должно стать моей последней работой жизни, а именно цикл четырех книг, заглавие которого будет 'Сцены из комедии' или 'Из нечеловеческой комедии': 1. Книга – 'И сотворил себе кумира' (1917–1935, переведена Хедди Просс) 2. Книга – 'Хранить вечно' (1945–1947). 3. Книга 'Из подвального этажа памяти' (1948–1953). В данный момент пишу я об этом. 4. Книга – которая будет написана вместе с Раей – 'Воспоминания из непрошедшего времени' (1954–1977). Это наши большие планы. Только жизни бы нам хватило! [12: 331]"). Он действительно писал все книги, правда, с другими названиями, но больше не говорил об этом цикле.

сказать. Именно поэтому он начал с эпизодов, которые он никак не мог забыть и которые были ясны и не вызвали конфликта совести: с описания войны и несправедливостей. Первой была написана книга *Хранить вечно*, где Копелев излагает свой опыт во время Второй мировой войны, когда он поступил на военную службу добровольцем и был переводчиком. Затем он работал над книгой *Утоли моя печали*, в которой рассказал о периоде тюремного заключения и шарашки, где он познакомился с Александром Солженицыным. В этой части видна попытка, которую автор предпринимает в течение всего рассказа о своем прошлом: он ведь старается объяснить, почему он до последнего момента остался верным идеалам коммунизма. И только затем Копелев создал последний текст трилогии – *И сотворил себе кумира*<sup>3</sup>, который идеаль-

но предваряет написанные ранее книги, потому что там изложены факты, являющиеся предыдущими с хронологической точки зрения: юность на Украине и то, как он “сотворил себе кумира”, что и отражено в заглавии.

*Хранить вечно* является самым длинным текстом трилогии, так как участие во Второй мировой войне стало поворотным моментом в жизни Копелева. Особое место в книге занимает глава о трагических событиях в Восточной Пруссии.

Советская армия пришла в начале 1945 г. в область, где население не было эвакуировано, и обрушила на нее весь гнев и усталость от войны. Копелев был свидетелем насилия, беззакония и мародерства солдат Красной Армии, которые вели себя как звери. На страницах *Хранить вечно* он пишет о том, что творилось на его глазах в те месяцы: казалось, как будто его товарищам было интересно только изнасиловать беззащитных женщин и грабить то, что осталось в городах. В книге он часто высказывает свое возмущение по этому поводу:

---

его книги изданы в России: *И сотворил себе кумира* до сих пор остается неопубликованным.

---

<sup>3</sup> Все эти книги были опубликованы в Америке в г. Анн Арбор в короткий срок (с 1975 по 1981 г.) издательством *Ардис*, которое возглавляли супруги Проффер. Вскоре все книги были переведены на немецкий язык. Но на родине Копелева они опубликованы не были, так как с 1968 г. он был исключен из партии и его произведения были запрещены. Позднее произведения Копелева были изданы на многих языках, но – парадокс – не все

А здесь мы сами власть на местах; мы все – генералы и офицеры – поклонники Эренбурга. [...] Какой мести научили: немкам юбки задирасть, грузить чемоданы, добро растаскивать. Да что позор – подумай, что выйдет потом из этих солдат, из этих, которые десятками в очередь на одну немку, девочек насиловали, старух убивали?.. Они же вернутся в наши города, к нашим девушкам. Это похуже всякого позора. Это же сотни и тысячи готовых преступников, жестоких и наглых, вдвойне опасных, потому что с репутацией героев... (Копелев 2004: 151-152).

Копелев писал, что он много раз пытался остановить своих товарищей и уговорить их вести себя достойно и относиться нормально к невинным людям, но без результата. Он подробно описывает всех людей, которых встречал и которым помогал, очень живо передавая все диалоги. Он обладал даром звуковой памяти и даже двадцать лет спустя умел переносить читателя в те далекие годы. Именно за “со-

чувствие к противнику” и “буржуазный гуманизм” он и был арестован и, находясь в то время в тюрьме в Щецине, не увидел победу Советского Союза.

В *Утоли моя печали* речь идет о заключении в шарашке с 1945 по 1954 годы. Копелев был отправлен в шарашку, где работал переводчиком и принял участие в важных проектах, таких как создание фоноскопа, способного распознавать человеческую речь. Там он познакомился и подружился с Александром Солженицыным и Дмитрием Паниным.

Как известно, Солженицын описал этот период заключения в романе *В круге первом*; Менее известен тот факт, что Панин писал о том же в книге *Записки Соловдина*. Таким образом, нам представляется уникальная возможность сравнить книги трех разных писателей об одном и том же опыте.

Текст Копелева предствяляет собой ответ на книгу *В круге первом* Солженицына, в которой он стал прототипом противоречивого Льва Рубина<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> Солженицын отождествляет Копелева с его альтер-эго Рубиным, когда он видит его первый раз, следующим образом: «[...] крупный мужчина с широкой черной бородой, был еврей и коммунист. Льва Рубина судьба

Портрет Копелева, который мы получаем из текстов Солженицына и Панина, неоднозначен: он состоит из света и теней, что я попытаюсь показать в дальнейшем.

Лишь в последней части автобиографии читатель найдет попытку объяснения хитрого механизма идеологической обработки масс, который сформировал образ мышления Копелева и целого поколения, к которому он принадлежал.

Очень важное событие, показывающее убеждения молодого Копелева, произошло тогда, когда он был направлен партией участвовать в реквизициях хлеба на Украине между 1932 и 1933 гг. Эти 'экспедиции' в итоге стали причиной того, что историки сегодня называют "голодомором". Копелев и множество его ровесников, воспитанных в духе коммунизма, были готовы на все ра-

сплела с Германией и ветвями мира и прутьями войны. В миру он был филолог-германист, разговаривал на безупречном современном hoch-Deutsch, обращался при надобности к наречиям средне-, древне- и верхне-германским. Всех немцев, когда-либо подписывавших свои имена в печати, он без напряжения вспоминал как личных знакомых. О маленьких городках на Рейне рассказывал так, как если б хаживал не раз их умытыми тенистыми улочками. А побывал он – только в Пруссии, и то – с фронтом». (Солженицын s.d.: 12)

ди достижения идеалов. Они не видели противоречий в политике реквизиций Сталина и не отдавали или, возможно, не хотели отдавать себе отчета в том, какие будут последствия. Витторио Страда писал об этом и определил Копелева как прототип убежденной восторженной молодежи, которую Сталин успешно использовал в своих целях<sup>5</sup>. Копелев был одним из первых, кто впоследствии писал об этом, и на страницах книги признавал себя виновным:

В эти дни уже умирали  
сотни тысяч крестьян.

---

<sup>5</sup>Витторио Страда критикует поведение Копелева и не оправдывает его: "Un'altra testimonianza è di un partecipante agli eccidi, Lev Kopelev, uno di quei tipici personaggi che chi ha letto Solgenitsyn sa riconoscere. Purtroppo non risale al '33-'34 quando presumibilmente questo signore andava in giro per le campagne ucraine, forse non a uccidere direttamente, ma di certo come complice di quelli che ammazzavano, che osservavano indifferenti la morte" ("Другим свидетельством является рассказ участника битвы, Льва Копелева, одного из тех типичных персонажей, которых те, кто читал Солженицына, без проблем узнают. К сожалению, свидетельство не относится к 1933-34 годам, когда этот господин ходил по украинским деревням, наверное, сам не убивая, но без сомнения, являясь соратником тех, кто убивал и равнодушно смотрел на смерть" [Strada 2004]).

Умирали в пустеющих селах, на дорогах, на городских улицах. Уже голодали Украина, Кубань, Поволжье.

Но он [Сталин] утверждал, что об этом не стоило “серьезно разговаривать”.

И мы не разговаривали.

Не только потому, что уже опасно было сомневаться и тем более опасно критиковать речи Сталина. И не только потому, что одной из страшных примет массового голода было ощущение бессилия, обреченности [...].

Мы не возражали, убежденные, что бедствие произошло не столько по вине партии и государства, сколько из-за неизбежных ‘объективных’ обстоятельств, что голод вызван сопротивлением самоубийственно-несознательных крестьян, вражескими происками и неопытностью, слабостью низовых работников.

В той же речи Сталин торжественно обещал “сделать всех колхозников зажиточными” (Копелев 2011: 304).

Имеется также аудиозапись, где Копелев сам рассказывает о том, чему он был свидетелем, и оправдывает себя и свое поколение такими лаконичными словами: “Мы верили, должны были, хотели верить”<sup>6</sup>.

Слепая вера в коммунизм оказалась важнейшей чертой всего поколения Копелева, но множество людей довольно рано разочаровалось в идеале. Среди них можно упомянуть и Солженицына, который изначально тоже верил в идеалы коммунизма, но опыт заключения и несправедливость, жертвой которой он стал, полностью разочаровали его в этой идее. Копелев же продолжал определять себя как коммуниста и защищал политику Сталина, ссылаясь на понятие ‘исторической необходимости’, которая оправдывала любые средства. Чтобы лучше понять фигуру Копелева, можно сравнить описания о нем в книгах Солженицына и Панина. Разумеется, искать правду в воспоминаниях этих авторов непродуктивно. Ни Копелев, ни Панин не признавали себя в описании Солже-

---

<sup>6</sup> Во время интервью, которые я взяла у Марии Орловой, она по поводу Копелева-рассказчика заметила, что никто уже не мог про него забыть, услышав его голос хоть один раз.

нищина, и оба отреагировали на роман *В круге первом*, излагая свой собственный вариант истории. Панин даже написал эссе *Солженицын и действительность*, где обвинил последнего в изображении многих нереальных фактов. И всё-таки можно найти несколько общих черт с Копелевым, которые интересно проанализировать в этом контексте. Оба писателя хоть и признают, с одной стороны, большую эрудицию и начитанность Копелева<sup>7</sup>, упрекают его в избыточной вере в коммунизм-ленинизм и в слепоте по отношению к реальности. Часто три друга долго спорили, и Панин писал, что Копелев не умел спорить: он резко горячился и кричал<sup>8</sup>. Солженицын

настаивает на слепой послушности Рубина Партии, также рассказывает о его участии в коллективизации, когда он ходил по украинским деревням и угрожал крестьянам<sup>9</sup>. Панин тоже никак не мог понять, почему такой умный человек, каким был Копелев, мог быть до такой степени слепым к реальности<sup>10</sup>.

Из воспоминаний Солженицына и Панина видно, что фигура Копелева часто неоднозначная, непоколебимая в своей сильной вере в идеал. Тот факт, что Копелев в книгах, написанных после опубликования романа Солженицына, предоставляет читателю свою версию фактов и в *И со-*

<sup>7</sup>Панин пишет: “Лев – кладезь литературной эрудиции, был необыкновенно осведомлен также в вопросах истории, политической жизни страны [...]” (Панин 1973: 425-426).

<sup>8</sup> Вот как Панин определяет поведение Копелева “Ему казалось достаточным одержать временный тактический успех, поэтому, постоянно чувствуя, как почва уходит из-под ног, он начинал горячиться, кричать и даже ругаться. Порой мне казалось, что он готов меня убить, но через день-два все входило в норму, и вскоре при первом удобном случае споры возобновлялись. Обычно наши столкновения происходили с глазу на глаз, но иногда мы прибегали к Солженицыну как к арбитру”.

(Панин 1973: 426) Солженицын свидетельствует о подобном факте: “Рубин не умел и не любил подолгу слушать. Всякую беседу он понимал так (да так чаще всего и получалось), что именно он разметывал друзьям духовную добычу, захваченную его восприимчивостью” (Солженицын s.d: 38).

<sup>9</sup>Солженицын подчеркивает отсутствие жалости у Копелева: “И если дите хозяйское умирало – подышайте вы, злыдни, и со своим дитем, а хлеба испечь – не дать. И не исторгала жалости, а привычна стала [...]” (Солженицын s.d: 459).

<sup>10</sup> Солженицын сообщает об их частых спорах: “Да притворяешься ты! Ты слишком умен, чтобы верить в это гадство! Человек со здравым умом не может так думать! Ты просто лжешь!” (Солженицын s.d.: 448).



творил себе кумира пытается найти корни своих убеждений, не является случайным. Это – своеобразная попытка оправдания собственного прошлого. Если стремление к оправданию является определяющим для *Утоли моя печали* и *И творил себе кумира*, то в *Хранить вечно* можно найти иную тенденцию, а именно легкое тяготение к идеализации.

Разумеется, каждая автобиография склонна к идеализации и поэтизации прошлого, и это свойство можно найти в произведениях Копелева. Как пишет немецкая исследовательница Мартина Вагнер-Егелхааф, в каждом автобиографическом произведении присутствует сдвиг от “Selbsterkennung” (познание себя) до “Selbstverkenning” (заблуждение в себе). Андреа Баттистини также подчеркивает, что очень часто рассказчик автобиографии действует селективным способом, выбирая только положительные свои черты и поступки и показывая их читателю<sup>11</sup>.

---

<sup>11</sup>“Il genere letterario dell'autobiografia amplifica gli attributi del suo protagonista, investendolo di una luce dorata emanante da una ricerca selettiva che scarta la cenere dei vizi per esaltare la fiamma della virtù” (“Литературный жанр автобиографии расширяет свойства ее главного героя, освещая его золотым светом, происходящего

Без сомнения, книги Копелева не являются исключением в этом процессе, но, на мой взгляд, тут имеют место и другие причины. Когда наш автор начал писать эти тексты, ему было уже за пятьдесят, он чувствовал необходимость объяснить, почему он решил рассказать о своем прошлом. Вот что написано в статье *Чему история научила меня*:

На протяжении полутора десятилетий я вспоминал и записывал воспоминания о разных событиях моей жизни. [...] Прежде всего я должен был рассказать правду своим детям и внукам, своим соотечественникам, моим ровесникам, правду о том, как мы жили, что мы действительно думали и чувствовали в пору самых трудных, самых противоречивых и самых жестоких испытаний нашего народа (Копелев 1977: 612-613).

Он настаивает на необходимости рассказать только правду, которой посвятил всю

---

от селективного поиска, который исключает пепел пороков и подчеркивает пламя добродетелей” [Battistini 1990: 11]).

свою деятельность начиная с 60-х годов. Именно тогда, после известного доклада Хрущева и разочарования в политике Сталина, он начал критически относиться к окружающей действительности, в том числе, когда несправедливость распространилась и на его друзей-писателей. Деятельность Копелева-правозащитника началась как раз письмами в защиту Андрея Синявского и Юлия Даниэля, Александра Солженицына, Андрея Сахарова, Татьяны Великановой и многих других писателей и борцов за правду. Его письма и выступления были собраны в книге *Вера в слово*, где Копелев борется против советского произвола, используя только одно оружие – слово, “царственное слово”, как и Анна Ахматова.

В тот же период, когда он взялся защищать права человека, он и начал писать *Хранить вечно*. Может быть, это происходило бессознательно, но прошлое получило оттенок идеализации, особенно в описании таких эпизодов, как война в Восточной Пруссии, которые позволили автору показать свои положительные качества. Таким образом, он

нарисовал поразительную связь между своим прошлым, когда боролся, чтобы защищать слабых, и своим настоящим, когда он выступал активным правозащитником.

Будучи честным перед своей совестью до конца, Копелев в течение последующих лет не стал молчать про реквизиции на Украине, и его героические поступки в какой-то мере уравнивают отрицательный опыт.

Пересмотрев своё прошлое, он пришёл к выводу, что заключение было справедливо, и эти годы считал наказанием за свою вину как реквизитора. Заключение принесло даже некоторую пользу, так как, в конце концов, за долгие годы в шарашке он многому научился.

В 1981 году Копелев принял немецкое гражданство, и с тех пор Германия – это его “Wahlheimat”, родина по выбору. Здесь он стал медийной фигурой, и тот факт, что он не скрывал свое трагичное прошлое, делает его настоящим героем.

## Библиография

Копелев 1977: Л. З. Копелев, *Чему история научила меня* // Л. Копелев, *Вера в слово. Выступления и письма 1962 – 1976 гг.*, Ардис, Анн Арбор, 1977.

Копелев 2004: Л. З. Копелев, *Хранить вечно*, Терра, М., 2004.

Копелев 2010: Л. З. Копелев, *И сотворил себе кумира*, Правда Людини, Харьков, 2010.

Копелев 2011: Л. З. Копелев, *Утоли моя печали*, Правда Людини, Харьков, 2011.

Лотман 2005: Ю. М. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)* // Ю. Лотман, *О русской литературе*, Искусство–СПБ, Спб., 2005.

Орлова 1983: Р. Д. Орлова, *Воспоминания о непростом времени. Москва, 1961-1981 гг.*, Ардис, Анн Арбор, 1983.

Орлова, Копелев 1988: Р. Д. Орлова, Л. З. Копелев, *Мы жили в Москве. 1956 – 1980*, Книга, М., 1988.

Панин 1973: Д. М. Панин, *Записки Сологдина*, Посев, Франкфурт ам Майн, 1973.

Панин 1975: Д. М. Панин, *Солженицын и действительность*, Париж, 1975.

Солженицын s.d.: А. И. Солженицын, *В круге первом*, Посев, Франкфурт ам Майн, sine data.

Böll, Kopelew 1984: H. Böll, L. Kopelew, *Warum haben wir aufeinander geschossen?*, Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1984.

Böll, Kopelew, 1991: H. Böll, L. Kopelew, *Waffe Wort*, Steidl, Göttingen, 1991.

Böll, Kopelew, 2011, H. Böll, L. Kopelew, *Briefwechsel*, Steidl, Göttingen, 2011.

Battistini 1990: A. Battistini, *Lo specchio di Dedalo. Autobiografia e biografia*, Il Mulino, Bologna, 1990.

Cambi 2002: F. Cambi, *L'autobiografia come metodo formativo*, Editori Laterza, Bari, 2002.

Demetrio 1996: D. Demetrio, *L'autobiografia come cura del sé*, Raffaello Cortina Editore, Milano, 1996.

Gullotta 2012: A. Gullotta, *Trauma and Self in the Soviet Context. Remarks on Gulag Writings* «Avtobiografija», 2012, I, pp. 73-87.

<http://journals.padovauniversitypress.it/avtobiografija/content/trauma-and-self-soviet-context-remarks-gulag-writings> (28 сентября 2013).

Lejeune 1975: Ph. Lejeune, *Le pacte autobiographique*, Seuil, Paris, 1975.

Ricoeur 1985: P. Ricoeur, *Temps et récit*, in P. Ricoeur, *Le temps raconté*, Seuil, Paris, 1985.

Strada 2004: V. Strada, *L'emigrato, la vedova e la studentessa*, «Liberal», 2004, IV, 24, <http://www.liberalfondazione.it/archivio/tutti-i-numeri-di-liberal/1180-lemigrato-la-vedova-e-la-studentessa> (28 сентября 2013).

Trilling 1972: L. Trilling, *Sincerity and Authenticity*, Harvard University Press, Cambridge, London, 1972.

Wagner-Egelhaaf 2000: M. Wagner-Egelhaaf, *Autobiographie*, Metzler, Stuttgart, Weimar, 2000.